

Сяо Хуэй слушала, как они обсуждали Шан Чжэ и Цю Фэйчэня, и едва сдерживала смех. Их постоянные разногласия были истолкованы как любовь-ненависть, и она гадала, что бы подумали сами герои этих слухов, если бы узнали.

Тем временем на съемочной площадке Ван Сяосяо вынужденно села на заднее сиденье машины Лань Мина. Она жила в старом районе, где улицы извивались как лабиринт, а Лань Мин, как человек, плохо ориентирующийся в этой местности, включил навигатор.

Проехав половину пути, Ван Сяосяо заметила:

— Кажется, что-то не так. Янь Чунь обычно ездит другой дорогой.

Лань Мин уверенно ответил:

— Разве я могу ехать той же дорогой, что и он? Не снижай мой уровень.

Щелчок. Сцена завершена.

Третья сцена разворачивалась на съезде с кольцевой автомагистрали.

Лань Мин, тяжело дыша и весь в поту, остановился, увидев дорожный знак.

Ван Сяосяо, смеясь и плача одновременно, воскликнула:

— Как мы вообще оказались на автомагистрали?!

Лань Мин тоже удивился, посмотрел на навигатор и смущенно сказал:

— О, я забыл выбрать маршрут. Навигатор решил, что я еду на машине...

Ван Сяосяо в ярости топнула ногой:

— Лань Мин, ты идиот!

Режиссер с удовлетворением произнес:

— ОК, закончили!

Сяо Хуэй накинула на Шан Чжэ пиджак:

— Ха-ха-ха, что за идиотский сюжет, просто ужас!

Шан Чжэ вздохнул:

— Меня тоже это убило.

— Кстати, раньше звонил господин Чжэн, я ответила.

— А... — Шан Чжэ зевнул. — Что он сказал?

— Сказал, что отныне твои обеды на съемочной площадке будут доставляться из его отеля, и дал мне номер для заказа.

Шан Чжэ посмотрел на Сяо Хуэй:

— ...

Сяо Хуэй похлопала его по плечу:

— Не переживай, я понимаю, мы все понимаем.

Да вы вообще ничего не понимаете! Шан Чжэ остался в замешательном молчании.

Уже поздно, и Шан Чжэ не поехал домой, а отправился в отель, который сняла съемочная группа. Только он лег в постель, как ему позвонил Чжэн Цзянь. Он сонно ответил:

— Алло?

— Устал? — спросил тот низким голосом, от которого у Шан Чжэ защемило сердце.

— Умираю, говори быстрее...

— Сяо Хуэй сказала, что у тебя завтра только одна сцена. После съемок я заеду за тобой.

— Зачем? Не надо. Шан Чжэ даже не заметил, как мягко прозвучал его голос.

Чжэн Цзянь усмехнулся:

— Твой сын у меня.

Шан Чжэ резко открыл глаза:

— Ты похитил моего сына?

Он сел на кровати, опершись на изголовье, и грозно спросил:

— Что ты сделал с моим сыном?

Чжэн Цзянь, глядя через стекло балконной двери на маленького толстяка, лежащего на его кровати, ответил:

— Сяо Хуэй сказала, что ты скучаешь по Цяця, вот я и привез его тебе. Разве это плохо?

— Тебе не нужно этим заниматься, ты...

— Сегодня я зашел к тебе домой, Сяо Сунь открыл мне дверь. Твой сын сидел на маленьком стульчике в прихожей и просил Сяо Суня помочь ему надеть обувь, крича, что хочет «найти папу». Мне стало его жалко, и я сказал, что могу отвезти его к тебе. Малыш обрадовался и сам захотел поехать со мной. Это ведь не похищение, правда?

— Это называется обман! — возмутился Шан Чжэ. — Именно так мошенники и заманивают детей!

— Не переживай, я ничего плохого не сделаю твоему сыну. Просто временно одолжил его, моя цель — заманить тебя.

— ... Как он может так открыто говорить об этом! — подумал Шан Чжэ, чувствуя, как лицо горит от стыда. — В любом случае, ты негодяй! Подожди, Цяця сейчас у тебя дома?

— Да, я привез его сюда. Чжэн Цзянь немного помедлил. — Сяо Сунь приехал с ним. Он очень

ответственный, уложил Цяця спать и только потом ушел.

— Правда? — язвительно спросил Шан Чжэ. — Не Сяо Сунь ответственный, а ты сам не умеешь ухаживать за ребенком, вот и заставил его.

Чжэн Цзяньнь явно ушел от темы:

— У тебя завтра только одна сцена, после съемок позвони мне, я приеду с Цяця за тобой.

Шан Чжэ лениво ответил:

— Ладно, понял. Смотри за Цяця, если с ним что-то случится, я тебе... Алло? Чжэн Цзяньнь? Алло?

На том конце провода раздались гудки. Шан Чжэ решил, что Чжэн Цзяньнь просто не хотел слушать его болтовню, не придав этому значения, скорчил рожицу в сторону телефона и лег спать.

Он и не подозревал, что на другом конце Чжэн Цзяньнь едва не покрылся холодным потом. Едва он отвлекся, как маленький толстяк начал ворочаться, перевернулся и чуть не упал с кровати, уже почти свисая с края.

В отличие от дома Шан Чжэ, где была специальная детская кровать и везде лежали ковры, у Чжэн Цзяньня пол был из твердого красного дерева. Он уже представлял, как ребенок упадет лицом вниз, ударится лбом или начнет бесконечно плакать.

Он не умел успокаивать детей и не хотел этим заниматься. Поэтому в последний момент Чжэн Цзяньнь бросил трубку, вбежал в комнату и подхватил Цяця, аккуратно положив его обратно на кровать. К счастью, Цяця всегда крепко спал, только чмокнул губами и не проснулся.

Чжэн Цзяньнь лег слева от Цяця, а чтобы мальчик снова не упал, положил еще одно одеяло на край кровати. Только тогда он смог спокойно заснуть.

На следующий день сцена Шан Чжэ снималась утром, и все прошло довольно гладко. К десяти утра он уже был свободен, поэтому попрощался с командой и ушел.

Чжэн Цзяньнь в телефонном разговоре сказал, что ждет его в зоне С подземной парковки торгового центра. Шан Чжэ осмотрелся, но не увидел черный Jaguar Чжэн Цзяньня. В этот момент фары машины неподалеку мигнули, и Шан Чжэ прищурился, разглядывая коричнево-бордовый Porsche Panamera, за стеклом которого виднелось знакомое круглое лицо.

Шан Чжэ подошел и сел на заднее сиденье рядом с Цяця.

Цяця обрадовался и начал махать руками. Хотя этот человек был немного плохим и обижал его папу, он обещал отвезти его к папе, и вот он здесь. Цяця резко изменил свое мнение о Чжэн Цзяньне: из страшного злодея он превратился в страшного злодея, который знает, где папа.

Цяця изо всех сил пытался высвободиться из детского кресла и протянул руки к Шан Чжэ:

— Папа! Папа!

Шан Чжэ поцеловал его в щеку и сразу заметил странный вид Цяця: волосы торчали в разные стороны, одежда была помята, штаны не заправлены, а на лице и руках были следы сладостей.

Шан Чжэ даже не хотел признавать, что этот неопрятный ребенок — его сын.

Чжэн Цзянь сделал вид, что не заметил выражения лица Шан Чжэ.

Шан Чжэ увидел рядом с детским креслом маленькую сумку с мультяшным принтом, вероятно, оставленную Сяо Сунем. Внутри были необходимые вещи для Цяця. Шан Чжэ нашел влажные салфетки и вытер лицо и руки сына.

— Он уже завтракал? — спросил Шан Чжэ у Чжэн Цзяня.

— Да.

— Что ты ему дал? — Шан Чжэ явно не доверял ему.

— Смесь, и...

— Креветки... — Цяця, понимая, о чем идет речь, с энтузиазмом поделился информацией о своем завтраке, причмокивая губами.

— Суп с морепродуктами, — добавил Чжэн Цзянь. — Его приготовила уборщица.

Шан Чжэ посмотрел на детское кресло:

— Специально купил?

Чжэн Цзянь ответил:

— Вчера мы ходили в магазин, он сам выбрал.

Цяця снова вмешался:

— Бэймакс!

— Да-да, Бэймакс защищает Цяця. Ранее Шан Чжэ смотрел с ним «Город героев», и Цяця очень любил Бэймакса. Рисунок на кресле пришелся ему по душе.

Чжэн Цзянь вел машину.

Шан Чжэ сказал:

— Даже сам за рулем, господин Чжэн, вы действительно оказываете мне честь.

Чжэн Цзянь посмотрел на него через зеркало заднего вида и улыбнулся:

— Так я показываю свою искренность. Или ты бы предпочел, чтобы я приехал на велосипеде?

— ... Почему это звучит так знакомо? — подумал Шан Чжэ. Вчера он сам играл в похожей сцене, и этот человек уже знает об этом? — Сяо Хуэй твой шпион?

Чжэн Цзянь отвез их в детский парк развлечений.

Шан Чжэ надел кепку и очки, скрыв большую часть лица, так что его вряд ли кто-то узнал. Сначала он думал, что два взрослых мужчины с ребенком могут выглядеть странно, но потом понял, что никто на них не обращает внимания. Это он сам себя накручивал.

<http://bllate.org/book/17718/1655964>